

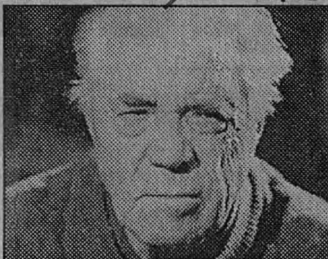
Самый живой «убитый» человек

Известия. - 1994 - 10 янв. - с. 6.

На Красноярской киностудии закончена работа над полнометражным документальным фильмом «Промысел (древняя профессия)». Режиссер Владимир Кузнецов, автор сценария Виктор Астафьев.

Алексей ТАРАСОВ, «Известия»

Главный герой — охотник-промысловик Василий Сидоркин, давний знакомый Виктора Астафьева. Родился в семье старообрядцев, спасшихся от мира на реке Сым — притоке срединного Енисея. Строптивость у Василия в крови, как и совестливость, и трудолюбие. В семье росло 12 детей. Пошел работать в Госохотнадзор, и с ходу начал прищучивать больших и маленьких начальников, председателей сельсоветов, досафовских и кагэбэшных деятелей. Завел 11 уголовных дел. Угрожали. И однажды ему, тогда 23-летнему, отплатили. Нож вошел в левый желудочек серд-

Виктор Астафьев.

ца, Василий потерял треть крови. Санавиацию задержала непогода. «Не жилец», — определили медики. С такими ранениями выживают единицы.

«Я был убит», — говорит сам Василий Несторович. Но его с Божьей помощью выходили — любовь и тайга. Медсестра Елена, ухаживавшая за человеком, который должен был умереть, стала его женой. Из больницы выпустили инвалидом 2-й группы. Врачи говорили: забудь про охоту навсегда. Но он ушел в лес. И тайга вернула его к жизни. Собаки, умаявшись, падают,

засыпая на ходу, а он все никак не устанет, оставляя за спиной версту за верстой труднопроходимой чащобы. Жена, наверное, надеялась, говорит Василий, что хоть, став инвалидом, буду крепче привязан к дому. Но сколько волка ни корми... Самый живой «убитый» человек.

Впрочем, о судьбе Сидоркина в фильме почти не говорится, в нем вообще мало слов — лишь в начале картины Василий немного говорит о себе, затем в одном из видений охотника его дочка читает стихи великого князя Константина Романова да в конце звучит короткая молитва промысловика. Но о вечном много слов и не надо. Ветер в мачтовых соснах гудит, волки воют, а снег летит и летит, заглушая все звуки.

Виктор Астафьев раз восемь бывал у Сидоркина на зимовье, и, конечно, мог бы много чего сказать — в кадре ли, за кадром — о его борьбе за сохранение красивейших и богатых зверьем лесов, раскינוвших по белому Сыму. Однако отснятые кадры не требуют слов. Человек

наедине с собой, неисповедимым Божьим промыслом и неласковой природой. У человека только нателный крест, обручальное кольцо, топор и ружье. Чистая вода, огонь и трава. Много работы. Работы только как способа выжить, не сверх того. И сегодня этот человек, просто нормальный мужик, что просто живет по заповедям Божьим на своей земле и делает то, что должно, выглядит настоящим и долгожданным героем нашего времени. Абсолютно естественная жизнь — подвигом.

Одиноким человеком, на таежных тропах сопровождаемым лишь Луной да верными собаками, охотится на соболей и рябчиков, строит баньку, парится, засыпает под образами, один на один идет на медведя и заваливает косолапого. Камера петербуржца Владимира Петухова тактично следует за таежником. Это кино вообще подчеркнуто лишне внешними эффектами, каких-либо выдумок. Форма определена бесхитрым содержанием. Но простота астафьевской истории об охот-

нике Сидоркине сродни библейской, притчевая.

В явь влетают сны, короткие видения Василия: его дети, церковь, венчание с Еленой. Они стоят пред алтарем коронованные. Но вот забытые прерывается, снова надо идти трудиться, промышлять. Это не та национальная охота, в которой ничего мудреного — налил, выпил и снова налил. Это тяжелая, изматывающая работа. По Владимиру Далю, промышлять — значит заниматься чем-то как средством жизни. Но еще и заботиться, стараться, хлопотать. Хорошо, что в фильме ни намека о борьбе Сидоркина с нефтяниками, отечественными и американскими, покусившимися на заповедный Сым (об этом «Известия», кстати, писали не раз), ни слова о депутатстве Василия Несторовича, его политической борьбе. Это не нужно. Понимание своего места на своей земле — в каждом движении охотника, умелом, расчетливом и одновременно бережном.

Печальный фильм об одиночестве. И, наверное, все же о преимуществах уединенности и молчания. Молчания одинокого охотника как знака согласия со всем сущим, что от Бога, и молчания кричащего, когда его на секунды пытается нарушить радиоприемник, включенный в избушке: блатные песни да дифирамбы Чубайсу. Сидоркин тут же выключает это «окно»... нет, не в мир, здесь, на таежном материке, это кажется окном если не в преисподнюю, то уж точно

Василий Сидоркин.
Кадр из фильма.

в некие ирреальные пространства. На считанные секунды перед зрителем появляется Москва октября 93-го, горящий Белый дом. К чему это воспоминание о столкновении президента и парламента, западной столицы и «косной» провинции?... Здесь, на безлюдной, пустой на сотни верст русской земле эхо танковой стрельбы в сердце России, явившись как наваждение, отзывается особенно гулко. И, кажется, тайга теряет многоцветность, белый снег чернеет, как горящий Белый дом.

Но наутро тайга вновь светла, и понимаешь, что вечен воздушный белый снег, а не каменный Белый дом. Так уж устроено. А вечером зажигается лампада в храме неистребимой сибирской природы — керосиновая лампа в заимке несломлен-

ного охотника. И звучит молитва: «Господи, что моя хвала Тебе? Я не слышал пения херувимов — это удел высоких душ, но я знаю, как хвалит тебя природа. Я созерцал зимой, как в лунном безмолвии вся земля тихо молилась Тебе, облеченная в белую ризу, сияя алмазами снега. Я видел, как радовалось Тебе восходящее солнце и хоры птиц гремели Тебе хвалу. Я слышал, как таинственно о Тебе шумит лес, поют ветры, журчат воды, как проповедуют о Тебе хоры светил своим стройным движением в бесконечном пространстве. Что моя хвала! Природа послушна Тебе, а я — нет, пока живу и вижу Твою любовь, хочу благодарить, молиться и взывать — слава Тебе, Боже, вовек...»

КРАСНОЯРСК.